

УДК 811.161.1'42:82

РЕЧЕВАЯ МОДЕЛЬ «ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ГЛАГОЛЬНЫМИ ФОРМАМИ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ» КАК СПОСОБ КОСВЕННОГО ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУЖДЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Н. А. Михальчук

кандидат филологических наук, доцент, докторант
Белорусский государственный университет

В статье выявлены специфические особенности речевой репрезентации побуждения в виде повествовательных высказываний с глагольными формами будущего времени в прозе русских писателей XX–XXI вв. на протяжении шести хронологических периодов. Доказывается зависимость выбора автором коммуникативных интенций в области исследуемой речевой модели от определенных факторов. Выявлены периоды увеличения частотности косвенных реализаций некатегоричных интенций, репрезентированных указанным способом, – 1920-е гг., 1980–1990-е гг., 2000–2020-е гг.

Ключевые слова: непрямая коммуникация, косвенный речевой акт со значением побуждения.

Введение

Устойчивой тенденцией в языкознании стало выделение переносных, то есть контекстуально обусловленных значений форм наклонения. Так, глагольные формы 2-го лица будущего времени изъявительного наклонения нередко употребляются для выражения побудительного значения. Основой для употребления исследуемых речевых форм в побудительных высказываниях служит особое свойство изъявительного наклонения – совмещение модальных значений реальности и «позитивной» ирреальности. Ср. *«Ты отведешь ее [собаку] к генералу»* (А. Чехов) [1, с. 220].

Повествовательные высказывания с глагольными формами будущего времени, репрезентирующие значение побуждения, с точки зрения теории речевых актов, являются косвенными, так как им присуще главное свойство косвенных высказываний – двойная иллокутивная функция. С одной стороны, данные речевые формы реализуют значение сообщения о будущих действиях адресата, с другой стороны, в определенном контексте они способны развивать побудительное значение, не утрачивая при этом первоначального репрезентативного значения. Ср. примеры из

обиходно-бытовой речи: *«Когда придет время, ты вернешься домой. И твоё настроение сразу изменится»* (репрезентатив). *«Ты немедленно вернешься домой»* (директив).

При том, что формы 1-го и 2-го лица будущего времени частично анализировались в нескольких диссертационных исследованиях [2; 3], до сих пор не представлено целостное и системное описание данной речевой модели как в разговорной речи, так и в художественной литературе в диахроническом аспекте.

В качестве разновидности не прямой коммуникации (термин В. В. Дементьева [4]) учеными рассматриваются косвенные речевые акты [4; 5; 6; 7]. К косвенным речевым актам в данной статье относим «случай, когда говорящий подразумевает одновременно и прямое значение высказывания, и нечто большее, а само высказывание имеет две иллокутивные функции» [7, с. 107]. Вслед за Н. И. Формановской побудительность считаем одним из «целеполаганий говорящего, отражающим его волеизъявление, с одной стороны, а с другой – побуждение к действию адресата» [5, с. 188].

В качестве материала для анализа выбраны произведения русских писателей XX–XXI вв. Цель данной статьи – выявление характерных черт косвенной реализации побуждения в виде повествовательных высказываний с глаголом в форме будущего времени изъявительного наклонения в частном дискурсе русской прозы XX–XXI вв. в диахроническом аспекте. Анализу подлежит группа косвенных речевых актов со значением побуждения, репрезентированных повествовательными высказываниями с глаголом в форме 2-го лица единственного и множественного числа и 1 лица множественного числа будущего времени изъявительного наклонения (общее число примеров – 384). Были использованы следующие методы исследования: метод сплошной выборки, контекстуального анализа, анализа и синтеза, количественный, компаративный, филологический.

Основная часть

1. Количественное соотношение высказываний с глагольными формами будущего времени в значении побуждения в русской прозе XX–XXI вв.

Как показывают статистические данные, в произведениях XXI в. отмечена тенденция к небольшому увеличению (на 3 %) частотности побуждений, репрезентированных конструкциями с глаголом в форме будущего времени, по сравнению с показателем начала XX в. (табл. 1). Данный факт может свидетельствовать о большей склонности к категоричному общению, об избегании церемонности в неинституциональном общении в современный период.

В целом же в русской прозе XX–XXI вв. наблюдаем незначительные колебания показателя частотности исследуемых высказываний: он фиксируется в промежутке от 6 до 9%, что демонстрирует несущественную зависимость от времени написания произведения писательского выбора косвенных речевых актов подобного типа.

Таблица 1 – Повествовательные высказывания с глаголом в форме будущего времени в значении побуждения в русской прозе XX–XXI вв.: количественное соотношение на протяжении шести хронологических периодов

Хронологический период	Удельный вес высказываний % (количество единиц)
1900–1910-е годы	6 (34)
1920-е годы	7 (52)
1930–1940-е годы	9 (66)
1950–1970-е годы	6 (68)
1980–1990-е годы	7 (42)
2000–2020-е годы	9 (122)

2. Говорящий и адресат в рамках диалогического единства. Речевые ситуации.

Речевую модель выражения побуждения в виде высказываний с формами будущего времени относим к некооперативным, то есть она не направлена на создание успешной коммуникации, на избегание конфликтов.

В межличностном общении, в случае если коммуниканты связаны семейными или близкими (приятельскими, любовными, дружескими, соседскими) отношениями, рассматриваемые речевые формы, как правило, использует старший по возрасту персонаж по отношению к младшему. Ср. «Завтра ты мне всю азбуку без ошибки скажешь, и за это я тебе дам пятак» (=скажи; требование) (М. Горький

«Детство»); параметры ситуации: бабушка обращается к внуку. «Ты не выйдешь за этого шахматного обормота!» (=не выходи; требование); параметры ситуации: мать адресует реплику дочери (В. Набоков «Защита Лужина»). Тот, чей семейный статус выше, наделен полномочиями требовать, делать не допускающие возражений предложения, давать категоричные советы.

В то же время в подобных речевых ситуациях анализируемые косвенные реализации побуждения могут наблюдаться более широко: отмечаются высказывания такого рода, адресованные равным по возрасту и статусу языковым личностям. Ср. «Будешь говорить все до доньшика и открытым текстом» (=говори; требование) (В. Тендряков «Ночь перед выпуском»). Параметры ситуации: диалог одноклассников.

В общении же, предполагающем различие социальных статусов коммуникантов, напротив, анализируемые речевые формы закреплены за старшим по статусу коммуникантом: они могут употребляться офицером по отношению к денщику (А. Куприн), быть направлены профессором – ассистенту (М. Булгаков), председателем колхоза – крестьянам (Ф. Абрамов), армейским офицером – солдату (А. Куприн, Н. Островский), учителем – ученику (Ф. Вигдорова) и др. «Давай, братец, самовар, да потом сбегаешь в собрание за ужином» (=сбегай; требование) (А. Куприн «Поединок»). «После праздников Зинаида Петровна сказала: “Сейчас вы будете писать сочинение об октябрьских праздниках и о демонстрации”» (=пишите; требование) (Ф. Вигдорова «Любимая улица»).

3. Способы декодирования коммуникативных интенций в повествовательных высказываниях с глаголом в форме будущего времени.

В художественном тексте, во-первых, интенция может быть эксплицирована в авторском комментарии, во-вторых, прямое указание на намерение может содержаться в реплике говорящего. В других случаях при определении коммуникативных интенций приоритетная роль принадлежит следующим факторам: контекстуальному окружению речевого акта, типу речевой ситуации, социальным и семейным ролям говорящего и слушающего. Покажем это на примерах.

. «– Пойдешь к нашим через фронт! – резко сказал Туркенич. – Я еще пока не сменен и приказываю тебе!» (=пойди; приказ) (А. Фадеев «Молодая гвардия»). В данном примере

наблюдаем экспликацию интенции адресантом;

• «Ты приедешь к нам на лето в отпуск, – пригласила дочь» (=приезжай; приглашение) (В. Токарева «Так плохо, как сегодня»). Прямое указание на интенцию содержит авторская ремарка.

• «Но, как мы условились, господин майор, роялем вы будете заниматься перед вечерней прогулкой» (=занимайтесь; требование) (К. Федин «Санаторий Арктур»). Коммуникативное намерение определяется в результате анализа параметров ситуации, социальной характеристики слушающего и говорящего: реплика принадлежит врачу, он адресует ее пациенту в клинике для больных туберкулезом, врач имеет право требовать от пациента выполнения распоряжений.

• «Поедешь со мной. Посидишь с Сашей. Научишь ее вязать. Через месяц начнутся каникулы, переедем на дачу. Будем сажать цветы» (=поезжай; приглашение) (В. Токарева «Террор любовью»). В данном примере взрослая дочь приглашает мать жить вместе (экспликация цели и места осуществления действия указывает на приглашение). Определяющую роль при декодировании намерения говорящего играет информация о коммуниках.

• «– Она меня выгонит. – Даже если выгонит... Но она поймет. Что ты страдаешь. Тебе не все равно. Ведь она как думает: ты уехал, бросил забыл.... А ты явившись, встанешь на колени, купишь им дом с озером, а в озере – золотая рыбка» (=явись, купи; совет) (В. Токарева «Маленькое одолжение»). В тексте представлена приятельская беседа, в которой один из коммуникантов знает о сложной семейной ситуации другого. Говорящий советует слушающему совершить действия (на совет указывает побуждение к действиям, выгодным адресату, а не адресанту), что становится понятным из контекста.

4. Типы побудительных интенций, репрезентированных повествовательными высказываниями с глаголами в форме будущего времени.

Побудительные интенции, репрезентированные высказываниями с формами глаголов будущего времени, отличаются степенью категоричности. Среди них выявлены категоричные намерения: требование, приказ, угроза, распоряжение, запрет, а также некатегоричные: предложение, просьба, совет, поучение, приглашение, утешение.

Как показывают статистические данные (таб. 2), в материале 1900–1910-х гг. категоричные интенции в 1,6 раз преобладают над некатегоричными, в прозе 1930–1970 гг. наблюдается почти равное их количество, а в периоды 1920-х гг., 1980–1990-х гг. и 2000–2020-х гг. косвенные реализации некатегоричных намерений превышают по количеству реализации категоричных интенций в 2 и в 2,8 раз.

Таблица 2 – Количественное соотношение речевых репрезентаций категоричных и некатегоричных побудительных интенций, реализованных в виде высказываний с формами глагола будущего времени, в русской прозе XX–XXI вв.

Хронологический период	Удельный вес косвенных реализаций категоричных интенций (%)	Удельный вес косвенных реализаций некатегоричных интенций (%)
1900–1910-е годы	62	38
1920-е годы	33	67
1930–1940-е годы	55	45
1950–1970-е годы	50	50
1980–1990-е годы	26	74
2000–2020-е годы	33	67

Преобладание речевых реализаций категоричных или некатегоричных интенций в области рассматриваемой модели выражения побуждения находится в зависимости от следующих факторов: 1) тема произведения, типы описываемых речевых ситуаций, 2) соблюдение или нарушение социального равновесия в диалоге – его протекание в виде унисона или диссонанса; 3) социальная характеристика персонажей – группа интеллигенции или крестьян, рабочих, купцов, мещан; статусное равенство либо неравенство языковых личностей.

Так, в прозе В. Набокова, Б. Зайцева, М. Булгакова (1920-е гг.), С. Довлатова, В. Маканина, А. Битова (1980–1990-е гг.), Ю. Полякова, И. Сахновского, З. Прилепина (2000–2020-е гг.) наблюдается реализация философского содержания посредством отражения семейно-бытовых, любовных, коллегиальных отношений. Персонажи, преимущественно представители образованной социальной группы интеллигенции, склонны избегать открытых конфликтов, предпочитают вести диалог в тональности унисона. Закономерно, что

они чаще всего прибегают к некатегоричным речевым намерениям. Ср. «*А Голсуорси, что обещали попробовать достать (уж больно жена им увлекается), когда достанете, зайдете к нам, я вам и верну...*» (=зайдите, приглашение) (А. Битов «Человек в пейзаже»).

С другой стороны, в произведениях А. Куприна, И. Шмелева (1900–1910-е гг.), А. Фадеева, Н. Островского (1930–1940-е гг.), Ф. Абрамова, В. Тендрякова (1950–1970-е гг.) драматические коллизии сюжетов находят отражение в конфликтной межличностной коммуникации. Ср. «*Надеюсь, что с этого дня вы прекратите посещение нашего дома, где вас принимали, как родного, кормили и поили вас, но вы оказались таким негодяем*» (=прекратите посещение; требование) (А. Куприн «Поединок»).

В литературе 1930–1940-х гг., а также в «деревенской» прозе 1950–1970-х гг. действующими лицами являются малообразованные языковые личности. Они руководствуются принципом искренности в коммуникации: открыто выражают свои желания, склонны к категоричному речевому воздействию на адресатов. Ср. «*Вдруг он круто вскинул голову, шагнул к нему: – Мне твоего барахла не надо! Слышишь? И ты сейчас же отвезешь это. А нет – ноги моей больше здесь не будет*» (=отвези; требование) (Ф. Абрамов «Сестры и братья») [8].

В ряде произведений данных периодов отражена статусно-маркированная коммуникация (А. Куприн «Поединок», И. Шмелев «Человек из ресторана», Ф. Абрамов тетралогия «Братья и сестры»), что также способствует формированию тенденции вербализации императивных намерений. «*Сейчас пойдете в класс, и я приду и ... – учителя он назвал, забыл я фамилию. – И вы попросите прощения за глупую дерзость*» (=попросите; требование) (И. Шмелев «Человек из ресторана»). Параметры ситуации: директор гимназии адресует требование ученику.

В то же время категоричность / некатегоричность коммуникативных намерений в каждом из хронологических периодов представлены неравномерно. Так, в 1920-е гг. и в 1980–2020-гг., при выявленной тенденции к использованию неимперативных интенций, высокая частотность реализаций императивных намерений зафиксирована в прозе А. Грина, С. Довлатова, А. Варламова, В. Токаревой. В материале 1900–1910-х, 1930–1970-х гг., при значительном удельном весе категоричных

интенций, исследуемая модель представлена преимущественно в некатегоричном варианте в произведениях И. Бунина, В. Вересаева, М. Горького, К. Федина, Ю. Трифонова, В. Распутина.

Более существенным фактором, чем фактор «время написания произведения», оказывающим влияние на выбор автором речевых интенций в рамках исследуемой речевой модели выражения побуждения, на наш взгляд, является фактор идиостиля.

Таким образом, в 1980–2020-е гг. некатегоричные речевые намерения чаще, чем в другие периоды, реализуются в категоричном ключе. Предпочтение данных косвенных реализаций побуждения говорящими связано с современной тенденцией демократизации общения, с отказом от соблюдения условностей в неформальном взаимодействии, с увеличением роли фактора экономии речевых усилий (в связи с отсутствием у адресанта времени и желания прибегать к формам повышенной вежливости) [9]. «*“Сейчас ко мне подруга заглянет, будете ее веселить”, – пообещала нам*» (=веселите; предложение) (З. Прилепин «Ботинки, полные горячей водкой»).

В 1920-е гг. употребительность подобного типа речевых актов обусловлена непринужденностью близких контактов в среде интеллигенции, а также драматизмом событий, которые оказываются в центре внимания авторов. «*Мы в один прекрасный день просто сядем в поезд и покатим*» (= давай сядем; предложение) (В. Набоков «Защита Лукина»).

Среди категоричных интенций в прозе всех хронологических периодов на первое место по количеству примеров выходит требование, среди некатегоричных – предложение. Ср. «*– Мне нечего говорить, – пробормотал Сергей, чувствуя, что у него сразу отяжелели ноги от страха. – Нет, брат, бреешь – скажешь!*» (=скажи; требование) (И. Бунин «Деревня»); «*– Мы все забудем. И начнем жить сначала*» (=давай забудем; предложение) (В. Токарева «Жена поэта»).

5. Виды митигации в области косвенных реализаций побуждения.

Использование глагольных форм 1-го лица множественного числа в речевых репрезентациях исследуемой модели, указывающее на то, что планируемое действие будет осуществляться говорящим совместно со слушающим, смягчает реализацию намерений и снижает категоричность высказываний. Ср. «*– Ничего, дудуська... – одобрительно замур-*

лыкал он. – *Сейчас у Никиты обсушимся, возьмем лошадей – и айда! А уж у меня досохнем*» (=давай досушимся; предложение) (И. Шмелев «Забавное приключение»).

Другим способом смягчения категоричности высказываний является введение начальных вводных слов «надеюсь», «может быть», «я думаю», «если вы захотите». Ср. «Я не могу знать что-нибудь о вас против вашей воли. Если вы захотите, вы мне расскажете» (=расскажите; просьба) (А. Грин «Бегущая по волнам»).

Заключение

Речевая модель выражения побуждения в виде форм будущего времени представлена в русской прозе XX–XXI вв. в 6–9% случаев употребления. Наблюдается зависимость выбора писателем интенций, репрезентирующих побуждения, оформленные по анализируемой модели, от следующих факторов: от темы произведения, от типа речевой ситуации, типа диалога с точки зрения соблюдения социального равновесия, от социальной принадлежности и статуса персонажей, в целом от идиостиля писателя. Обусловленность данного показателя временем написания произведения выявлена в меньшей степени, однако зафиксированы периоды значительного увеличения частотности косвенных реализаций некатегоричных интенций – 1920-е гг., 1980–1990-е гг., 2000–2020-е гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Волынец, Т. Н.** Современный русский язык. Морфология / Т. Н. Волынец – Минск : РИВШ, 2015. – 326 с.
2. **Иосифова, В. Е.** Русский императив в грамматической системе и в разговорной речи : автореф. дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 / Иосифова Вера Евгеньевна ; Московский гос. обл. университет русского языка имени А.С. Пушкина. – М., 2011. – 33 с.
3. **Шаронов, И. А.** Категория наклона в коммуникативно-прагматическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Шаронов Игорь Алексеевич ; Институт русского языка имени А.С. Пушкина. – М., 1991. – 20 с.
4. **Дементьев, В. В.** Непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – М. : Гнозис, 2006. – 374 с.
5. **Формановская, Н. И.** Коммуникативно-прагматические аспекты единиц обще-

ния / Н. И. Формановская. – М. : Ин-т рус. яз., 1998. – 291 с.

6. **Гак, В. Г.** Прагматика, узус и грамматика речи / В. Г. Гак // Иностранные языки в школе. – 2006. – № 8. – С. 22–32.

7. **Макаров, М. Л.** Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 280 с.

8. **Михальчук, Н. А.** Речевые модели косвенного выражения интенции побуждения в русской прозе 1950–1970-х гг. / Н. А. Михальчук // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2025. – Т. 15, № 2. – С. 46–55.

9. **Михальчук, Н. А.** Косвенные реализации интенции побуждения в художественном тексте: диахронический аспект / Н. А. Михальчук // Русский язык: система и функционирование: материалы X Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию филол. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 22–23 окт. 2024 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: И. С. Ровдо (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2025. – С. 147–152.

Поступила в редакцию 29.09.2025 г.

Контакты: n-mihalchuk@list.ru (Михальчук Наталья Александровна)

Mikhalchuk N. A. SPEECH MODEL “NARRATIVE UTTERANCES WITH FUTURE TENSE VERB FORMS” AS A MEANS OF INDIRECT DIRECTIVE EXPRESSION IN LITERARY TEXTS

The article identifies specific features of the speech representation of directives in the form of narrative utterances with future tense verb forms in the prose of Russian writers of the 20th–21st centuries throughout six chronological periods. The study proves the dependence of the author's choice of communicative intentions in the field of the studied speech model on certain factors. Periods of increased frequency of indirect non-categorical intentions represented by this method have been revealed for the 1920s, 1980–1990s, and 2000–2020s.

Keywords: indirect communication, indirect speech act with directive meaning.